

Без права на провал

Звезда *Chicago* АНАСТАСИЯ МАКЕЕВА о судьбе-злодейке, ночи в камере-одиночке, подпольном баре и главном отличии ада отрая

Интервью ПОЛИНА СУРНИНА

«Каждый вечер я должна буду рассказывать эту историю по-разному. Каждый вечер как будто впервые убивать Фреда. Каждый вечер чувствовать запах славы, сбывающейся мечты. Это сложно»

5 октября в Москве возобновляется показ мюзикла *Chicago*, на этот раз в постановке лидера индустрии, театральной компании «Стейдж Энтертейнмент». У вас главная роль – Рокси Харт, домохозяйка-преступница, мечтающая стать звездой шоу-бизнеса. Какой вы будете ее играть – порочной, грешной, коварной или глупенькой?

Я бы не стала характеризовать героиню двумя-тремя прилагательными. Не существует плохих и хороших людей. У каждого есть определенная мотивация поступков. Просто некоторые люди поддаются соблазну сделать все легко. Другие – по своим внутренним убеждениям – идут более сложным путем. Прилагательные «порочная», «грешная», «коварная» или «глупенькая» изначально делают героиню несимпатичной. А моя задача как актрисы – оправдать для зрителя ее поступки, заставить полюбить ее. Человек так устроен – в каждом есть весь спектр качеств, со временем какие-то проявляются больше, какие-то меньше. Но нотка тщеславия или алчности есть в каждом. Рокси – танцовщица, очень талантливый человек, она умеет увлечь людей. За ней хочется наблюдать, она стремится к совершенству. То, как она танцует – это талант, любовь к профессии и многолетняя кропотливая работа. Однажды ей захотелось, чтобы все увидели и оценили это. Судьба была к ней достаточно жестока – реализовать мечту не получалось. Как в «Ледниковом периоде» белка бежит за желудем, так и Рокси – за своей мечтой. Но в этом нет ничего порочного или коварного. И убийство не было хладнокровным. Это была случайность, состояние аффекта, шок. И если бы под рукой оказался не пистолет, а бутылка из-под шампанского, она бы ударила его бутылкой и не убила. Она хотела прекратить оскорбления в свой адрес. Рокси спонтанна. Она слепо следует за эмоциями, вместо того, чтобы подумать. Может быть, в этом и проблема.

1 > «Стилистика Боба Фосси, технически сложная, со стороны кажется очень грациозной и графичной. Это не прямые руки, как в классическом балете. Все какое-то угловатое, несколько ломаное» (на фото – мастер-класс в Нью-Йорке)

2 > «Атмосфера в *speak-easy* баре была настолько заразительной, что мы с Ликой не удержались и исполнили дуэт Рокси и Велмы под аккомпанемент живого джаз-бэнда»

На Бродвее все происходит быстро – целый спектакль, где артистам нужно играть, танцевать и петь, разучивается за шесть недель. Тяжело уложиться в такой короткий срок?

Мюзиклы компании «Стейдж Энтертейнмент» ставятся по Бродвейским канонам, поэтому подготовительный период *Chicago* длился 2 месяца. В этом отличие от российских репертуарных театров. Когда театр субсидируется бюджетными средствами, в нем нет самого главного – необходимости ком-

В чем главная прелесть хореографии Chicago, которую придумал знаменитый Боб Фосси?

Сейчас Фосси воспринимается многими, как классик. Это уже тот успех, с которым не спорят. Но когда он начинал, было много людей, не слишком положительно настроенных к новой стилистике. Она очень эмоциональна: это монолог, высказанный телом. Дикая, но сдержанная энергия сексуальности. Очень сильное мужское и женское начало в скупых движениях. Как в драматическом театре – ты не пока-

гораздо больше. Когда работаешь с иностранной постановочной группой, нельзя забывать, чтоходишь в чужой монастырь, у которого есть свой устав. Они никогда не опаздывают, у них все четко. И разница языков, конечно, не мешает. Это международный язык. Тем более, на сцене всегда работают переводчики.

В преддверии запуска Chicago в Москве компания Stage Entertainment организовала для исполнительниц главных ролей поездку в Нью-Йорк. Программа была насыщенная – вы съездили в настоящую тюрьму, Eastern State Penitentiary в Филадельфии, и даже провели там ночь. Страшно было?

Когда за мной закрылась дверь, начался внезапный приступ паники, хотелось закричать: «Срочно выпустите меня отсюда!» Ощущение безысходности. Теперь я понимаю Рокси: холодно, сыро и нет надежды, что утром придет продюсер с букетом... Она как маленький котенок, готовый на все. Ее уловки – не только жажда славы, но и страстное желание выйти на свободу...

Вы встречались с исполнительницами ролей Рокси и Велмы на Бродвее, а также с продюсером мюзикла Барри Уайслером, смотрели репетицию мюзикла. Поняли, как устроен Бродвей изнутри? В России похожая атмосфера?

Велму и Рокси на Бродвее играют известные американские артистки Терра Маклеод и Пейдж Дэвис, причём Терра выходит на сцену в роли Велмы уже десять лет! Мне было очень интересно, как можно столь долго играть одну и ту же роль и каждый раз получать удовольствие, не переходить на механи-

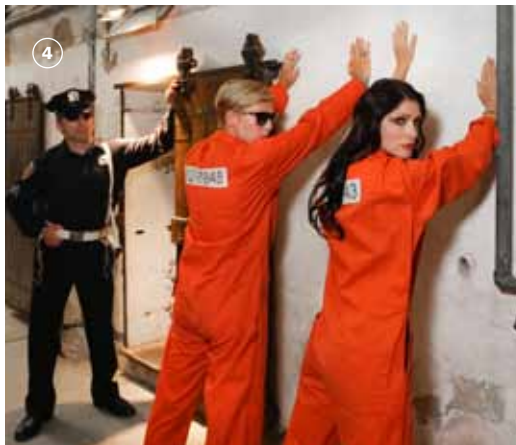
МОЯ ЗАДАЧА КАК АКТРИСЫ – ОПРАВДАТЬ ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ ПОСТУПКИ РОКСИ, ЗАСТАВИТЬ ПОЛЮБИТЬ ЕЕ

мерческого успеха. Именно поэтому нет и жестких временных рамок. У нас в российском театре могут долго творить, экспериментировать. А принесет ли спектакль прибыль, понравится ли публике – второстепенные вопросы. Мюзикл – это всегда дорого: труппа профессиональных артистов, оркестр, ежедневные спектакли. Все нужно делать быстро, четко и на высшем уровне. Либо ты даешь эмоцию и открываешь душу, либо не даешь – и все это видят. Второго шанса, второго дубля у нас нет. Выучить главную роль в такой короткий промежуток времени – очень сложно. Но никто не говорит, что играть в мюзикле легко. Ты должен уметь все: играть, петь, танцевать. Здесь работают профессионалы, которые привыкли к таким нагрузкам.

зывает эмоцию, но внутри все бурлит. Это ощущение связи между тобой и зрителями манит – как гипноз.

В России – как и в любой другой стране – спектакль ставят хореографы из международной команды Chicago. Не мешает при работе языковой барьер?

Английский не мешает, даже помогает. В какой-то момент он отрезвляет, это стимулирует к работе совершенно в другом режиме. В русском театре режим работы вялотекущий. Я не хочу поставить крест на всем нашем театре, но 80% – это тихо бурлящее болото. Стадное чувство и желание лениться более свойственно человеку, чем желание работать интенсивно. И те 20%, которые делают открытия на театральных площадках – этих людей я уважаю

3 «Даже на репетициях Терра и Пейдж выкладываются на 100%, словно в зале сидят зрители» (в бродвейском театре «Амбассадор» с Террой Маклеод, Пейдж Дэвис, Ликой Рулла и Ларисой Долиной)

4 «Мы с Ликой провели ночь в одиночных камерах в бывшей тюрьме, и мне показалось, это была самая длинная ночь в моей жизни» (в роли полицейского – продюсер *Chicago* Дмитрий Богачев)

ческое исполнение. Оказывается, они играют блоками – шесть недель на сцене, потом несколько месяцев отдыха. Я же должна играть 30 спектаклей в месяц, в этом плане буду первопроходцем. Самой придется искать способ существования, чтобы игра оставалась искренней, а не автоматической. А об отношениях в театре есть одна прекрасная притча. Ребенок спрашивает: «Папа, а чем отличается рай от ада?» Отец отвечает: «В аду стоит огромный чан с вкусной похлебкой. Вокруг сидят грешники. Но проблема в том, что к рукам каждого привязаны ложки с очень длинной рукоятью. Человек зачерпы-

годах, когда разворачивается действие мюзикла, он играл важную роль в жизни нью-йоркской богемы: там, несмотря на сухой закон, устраивали вечеринки с алкоголем, потихоньку происходило сексуальное раскрепощение горожан. Удалось ли хоть чуть-чуть прочувствовать атмосферу тех лет? Или в большей степени район ассоциируется сейчас с «Сексом в большом городе» – именно в Гринвич Виллидж жила Кэрри Брэдшоу?

Наверное, я удивлю читателей, но ни одной серии «Секса в большом городе» я не видела. Нью-Йорк сейчас очень

Ваш любимый район Нью-Йорка? Как вы предпочитаете проводить время в этом городе?

Во время путешествия я поняла, что никогда не смогла бы жить в Нью-Йорке. Да, Бродвей, знаменитая красная лестница на Таймс-сквер манят своими неоновыми вывесками и яркими афишами. Но Нью-Йорк – город энергетически тяжелый. Там смешано много национальностей, все еще более концентрировано, чем в Москве. Высокие небоскребы, очень узкие улицы, отсутствие воздуха. Часто не видишь даже солнца. Меня очень порадовало побережье, там – воздух и свобода. И Центральный парк – удивительное по красоте место.

Вы будете совмещать игру в Chicago с исполнением роли мадам де Турвель в спектакле «Опасные связи», музыку для которого написал ваш муж Глеб Матвейчук. Играть параллельно два спектакля тяжело. Как будете переключаться?

Прелесть актерской работы как раз в том, что я могу совмещать разные образы. Это как настроение. С утра проснулась – и хочешь быть бизнес-леди. Надеваешь черное строгое платье, туфельки, выбираешь сумочку. Прилизываешь волосы, надеваешь очки. И ты успешная, с твердым шагом. На следующий день просыпаешься, и настроение быть спортивной, легкой, как будто снова 16 лет и с урока физкультуры бежишь на обед с мальчиком, который нравится. Это состояние души. Переменчивость как раз свойственна женщине. Интересно быть разной. Гораздо сложнее быть одинаковой. ☺

ВТОРОГО ДУБЛЯ У НАС НЕТ: ЛИБО ТЫ ДАЕШЬ ЭМОЦИЮ И ОТКРЫВАЕШЬ ДУШУ, ЛИБО НЕТ – И ВСЕ ЭТО ВИДЯТ

вает еду, но не может поднести ко рту. В аду все сидят злые и голодные. А в раю стоит такой же чан. Такая же похлебка, точно так же сидят люди. Точно так же к их рукам привязаны ложки с длинной рукоятью. Но разница в том, что человек зачерпывает еду и кормит того, кто сидит напротив. А тот, в свою очередь кормит его». Это и есть театр. И неважно, где он находится. Если между актерами достигаются солидарность, сострадание, сочувствие, то на сцене происходит настоящее волшебство, которое можно назвать искусством. Но это зависит не от страны, в которой находится театр, а от людей, которые задействованы в спектакле.

Кроме того, вы побывали на экскурсии в районе Нью-Йорка под названием Гринвич Виллидж. В 1920-х

благообразный: все приглашено, причисано, нет никаких следов прошлого. Тем интереснее было посетить экскурсию по криминальному Нью-Йорку. Свободная любовь, чайлдфри, нетрадиционная ориентация, кабаре и путаны – все это Гринвич Виллидж эпохи джаза, который проступает сквозь стены respectable района современного Нью-Йорка. Мы прошли знаменитые *speak-easy* бары – места, где подавали спиртное во времена сухого закона. У этих заведений не было ни адресов, ни вывесок, однако завсегда знали как туда попасть. Алкоголь подавали в чайных чашках. Посещение одного из таких заведений на Бликер-стрит и закончилась наша экскурсия. Там сохранилась атмосфера эпохи джаза и все ее атрибуты.

РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ БЛАГОДАРИТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПО ТУРИЗМУ VISIT USA И ОФИС ПО ТУРИЗМУ ФИЛАДЕЛФИИ ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛА